

Инга Томан

История в судьбах

Москва «Готика» 2008

ББК 63.5

Т 56

ISBN 978-5-7834-0203-6

Инга Томан. История в судьбах. — М.: Готика, 2007. — 68 с.

Эта книга — одна из попыток воссоздать забываемые и забытые осколки прошлого на основе судеб отдельных людей и семей и потому может быть отнесена к области так называемой микроистории. Ее герои — московские немцы или немцы, волею судьбы оказавшиеся связанными с Россией. Таким образом, она является некоторым вкладом в изучение истории российских немцев и русско-немецких культурных связей. Материалом для нее послужили не только документы семейных архивов, но прежде всего личное общение автора с главными действующими лицами книги или их потомками.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, в том числе на подрастающее поколение. Включенные в нее истории заставляют задуматься и о жизни в целом, и о собственной судьбе. Она будет также небезынтересна и специалистам, и студентам гуманитарных вузов.

Под редакцией Тамиллы Томан

ISBN 978-5-7834-0203-6

© Инга Томан, 2007

К читателям

Эти люди не вошли в историю и не оставили память о себе, запечатленную в произведениях литературы и искусства. Их след в духовной жизни общества не бросается в глаза, но он существует, существует реально, хоть и незримо, ибо после смерти они продолжают жить на этой земле в том «разумном, добром, вечном», которое посеяли в сердцах родных и близких и что те передали своим детям.

Многие древние народы верили, что любой наш самый, на первый взгляд, незначительный поступок — хороший или дурной — оказывает влияние на все мироздание, на весь космос, и степень этого влияния нам не дано предугадать, ибо наши представления о великом и малом далеко не всегда соответствуют Истине. А потому так ли уж бесспорны наши классификации людей на «гениев», «великих», «выдающихся», «оставивших след», «оказавших влияние» и «типичных представителей»? Не является ли наш образ прошлого с его кажущейся бесспорной иерархией событий порождением сегодняшнего дня? И что вообще известно нам о былом? Войны, политические катаклизмы, правители, отдельные проблески творческого духа... Но что знаем мы о многоцветном, ослепительно сверкающем и бездонном потоке бытия, стремительно несущемся в неизвестность из неведомых нам глубин?

Но как же постичь его? Государственные и ведомственные архивы хранят главным образом официальные документы; состав так называемых фондов личного происхождения также определяется главным образом официальным признанием того или иного человека. Те же, кто не получил такового, обречены на забвение. Первым, кто решился нарушить существующую традицию, стал созданный в 1988 году в Москве Центр документации «Народный архив», который стал собирать документы «простых людей» (то есть тех, кто не вошел в историю). Его примеру последовали и некоторые другие архивы, однако то, что удалось собрать, представляет собой каплю в море

бесследно исчезнувшей или исчезающей информации.

Хранителями этой информации являются уходящие из жизни люди, чьи рассказы о виденном и пережитом забываются невнимательными слушателями, и семейные архивы, которые гибли и продолжают гибнуть. Виноваты в этом не только социально-политические катастрофы. Семейные архивы зачастую становятся жертвами весьма распространенной патологической страсти к выбрасыванию. Разрушительная сила этой страсти проявляется или в ходе очередной генеральной уборки или во время душевных переживаний и конфликтов, когда вместо отсутствующих обидчиков экзекуции подвергаются их фотографии и письма. Иногда гибель семейных архивов становится следствием нелюбви и презрения к самому себе, к своему прошлому. Это, пожалуй, самое худшее, ибо тогда теряет смысл основная Библейская заповедь — «возлюби ближнего своего, как самого себя». И действительно, не любя себя, возможно ли любить других и, не ставя ни во что историю собственного жизненного пути и историю своей семьи, возможно ли уважать историю своего народа и тем более человечества?

Итак, дорогие читатели, берегите свои семейные архивы! Бережно храните не только официальные документы, но и переписку (пусть даже с Вашей точки зрения неинтересную), дневники, любые свои литературные опыты (несмотря на соблазн уничтожить их), фотографии (даже незнакомых или забытых людей), детские рисунки. Документы каждого семейного архива представляют не меньшую ценность, чем документы, хранящиеся в архивах и музеях, ибо только через судьбы и мировосприятие отдельных людей может быть воссоздана настоящая История — не войн, политических событий, партий, правящих династий и отдельных выдающихся людей, а История с человеческим лицом.

В этот сборник вошли очерки, опубликованные автором в 1990-е годы и в начале нынешнего столетия газете «Neues Leben» и «Московской немецкой газете». Они основаны на устных

рассказах московских немцев и их потомков и материалах семейных архивов. Кроме того, сюда вошел подлинный роман в письмах о любви русской девушки Вари Беловой и студента Берлинского университета Вальтера Боте.

Собирая семейные истории в качестве сотрудницы «Народного архива» и внештатного корреспондента «Neues Leben», я не стремилась искать «выдающихся людей». Моя цель состояла прежде всего в том, чтобы сохранить память о тех, кто рано или поздно мог быть забыт. Однако совершенно случайно выяснилось, что одна моя знакомая является родственницей Иммануила Канта, а другая, сохраняя письма жениха своей покойной тетки (многие уничтожают документы куда более близких родственников), сберегла для истории письма будущего лауреата Нобелевской премии. Понятно, что исключать из сборника эти истории лишь потому, что в них оказались «замешаны» великие люди, было бы пустым формализмом.

В заключение хотелось бы с благодарностью назвать тех, кому обязана эта книга своим появлением на свет, — Ирину Александровну Ульяничеву, Сергея Сергеевича Ульяничева и их дочь Анну Аки; Эльзу Александровну Георгиевскую (урожд. Левенталь), ее племянника Александра Кобзаря и его жену Галину; Леонида Николаевича Капцова и его жену Татьяну; Ритту Эрнестовну Шахт; Герду Гершельман и ее племянницу Александру Николаеву; Микаэлу Борисовну Дейнис. В последние годы ушли из этой жизни И.А. Ульяничева, С.С. Ульяничев, Э.А. Георгиевская.

Их светлой памяти я посвящаю эту книгу.

РОССИЙСКИЕ РОДСТВЕННИКИ ИММАНУИЛА КАНТА

Соединяющие нас родственные узы теряются порой в глубине веков, и нелегко осознать, что значительная часть совершенно незнакомых нам людей является нашими братьями и сестрами не только в переносном, но и в прямом смысле. Где найти общие корни, связывающие нас с теми, мимо кого мы равнодушно проходим каждый день, и с теми, кто живет на другом конце планеты? Увы, историю своей семьи, своего рода мы знаем хуже, чем историю всемирную. Нам трудно представить, что практически каждый из нас является далеким или не таким уж далеким потомком или родственником великого человека. Думаю, что если бы мы лучше знали своих предков и свои родственные связи, мы были бы чуть взыскательнее и строже к себе, а значит, и лучше.

«Родство с великим человеком — это прежде всего обязанность, трудная и нравственно непростая. Она требует постоянного контроля, каждодневного духовного очищения, стремления быть лучше и в мыслях, и в поступках», — так написала в своих неопубликованных воспоминаниях Ирина Александровна Ульяничева, о семье которой мне бы хотелось рассказать.

Дед Ирины Александровны — Владимир Федорович (точнее — Вольдемар Рейнгольд Оскар) Фидлер (1881-1932) — был главным инженером Уральского завода тяжелого машиностроения (Уралмаша). В 1932 году В.Ф. Фидлер умер, а вскоре был сфабрикован процесс по делу уральских инженеров. Главный инженер был посмертно объявлен вредителем и английским шпионом, а один из обвинителей «посетовал»: «Жаль, что Фидлер умер, а не мы его расстреляли».

С тех пор более 20 лет дамоклов меч висел над его семьей, однако в ней свято чтит память Владимира Федоровича, и вполне закономерно, что уже в отрочестве Ирина Александровна ясно и

бесповоротно определила свой путь: стать достойной своего деда и оправдать его.

Она окончила филологический факультет Уральского университета, вышла замуж и переехала в Москву, где преподавала русский язык в школе, а затем работала редактором. В 1955 году во многом благодаря ее хлопотам В.Ф. Фидлера перестали считать «врагом народа» и семье была возвращена урна с его прахом, однако официально он был реабилитирован только в 1993 году.

Итак, доброе имя В.Ф. Фидлера было восстановлено, но в жизни Ирины Александровны оставалась еще другая цель, достижение которой казалось почти невозможным. От бабушки она знала, что мать Владимира Федоровича — Каролина Лидия (1862-1931), — носившая в девичестве фамилию Кант, отнюдь не однофамилица великого философа, а его не очень дальняя родственница. Впрочем, никаких письменных подтверждений этому не было, ибо значительную часть документов, отражающих немецкое происхождение семьи, пришлось по известным причинам уничтожить.

В течение многих лет Ирина Александровна по крупицам собирала разорванную историю своей семьи: записывала воспоминания родственников, работала в архивах. Одновременно она изучала труды Канта, идеи которого стали неотъемлемой частью ее внутреннего мира и помогали порой найти единственно верный путь.

Наступил 1992 год. Ирина Александровна узнала о предстоящем открытии в Калининграде (бывшем Кенигсберге) памятника Канту и решила, что настало время сделать еще одну попытку восстановить семейную историю. Она приехала в Калининград и пришла в музей Канта, где ее встретили как давно желанную гостью. Здесь, в музее, сбывлась ее многолетняя мечта: она увидела родословное древо Кантов, соединяющее великого философа и ее семью... Связь поколений была восстановлена.

Оказывается, прабабушка Ирины Александровны — Каролина Лидия Фидлер (урожд. Кант) — была правнучкой Иоганна

Генриха Канта (1735-1800) — брата философа Иммануила Канта. Иоганн Генрих Кант был ректором городской гимназии в Митаве (ныне г. Елгава в Латвии), а затем сельским пастором. Его сын — Фридрих Вильгельм (1781-1847) — стал предпринимателем и завел в Риге торговый дом. Сын Фридриха Вильгельма — Юлиус Вильгельм Мартин (1824-1881) — в начале 1850-х годов перебрался в Москву, где организовал собственное дело. В 1881 году, выдав замуж дочь — Каролину Лидию — за фармацевта Иоганна Фридриха Фидлера (1853-1897), он уехал на родину, в Ригу, где умер незадолго до появления на свет своего внука — будущего главного инженера Уралмаша Владимира Федоровича Фидлера. В течение 10 лет семья Фидлеров жила в Чухломе (недалеко от Костромы), а затем переехала на Южный Урал в Миасс.

После кончины Иоганна Фридриха его семья осталась почти без средств к существованию, однако дети получили высшее образование. Владимир поступил в Томский технологический институт, а Ирина (Эмма Ирма Паура) (1888-1981) — на высшие женские медицинские курсы в Киеве. Оба были вынуждены работать во время учебы, однако, несмотря на множество препятствий, заняли достойное место в жизни: Владимир Федорович стал главным инженером Уралмаша, а его сестра (в замужестве Долина-Смирнитская) — врачом Кремлевской больницы.

Когда этот очерк перерабатывался для книги, ни Ирины Александровны, ни ее мужа Сергея Сергеевича, помогавшего ей в исследовании истории семьи, уже не было в живых. Хочется надеяться, что их дочери Анне Аки удастся издать их совместный фундаментальный труд о российских родственниках Иммануила Канта, который приоткроет еще одну увлекательную и поучительную страницу русско-немецких культурных взаимосвязей.

Примечание: в Энциклопедии российских немцев есть статья И.А. Ульяничевой об Иоганне Генрихе Канте (т. 2. М., 2004. С. 27-28) и А. Аки о В.Ф. Фидлере (т. 4. М., 2006. С. 650-651).

«ПИШИТЕ, МИЛЫЕ ПОДРУГИ...»

(Девический альбом как исторический источник)

Часть 1

9 марта 1905 года Адель проснулась с ощущением счастья и ожидания чего-то чудесного. Первые лучи весеннего солнца освещали ее комнату, за окном чирикали воробьи. На столе перед кроватью лежали подарки: белокурая нарядная красавица-кукла, большая книга с картинками, кружево для школьной формы и еще — миниатюрный изящный красный альбомчик с серебряным обрезом. На обложке — также серебряное тиснение: три изысканных цветка и плавающий по озеру лебедь — тот самый лебедь, который был когда-то гадким утенком. У Адель замерло сердце. Она вдруг только сейчас до конца поняла и почувствовала, что ей уже двенадцать! Вошла мама. Поцеловав и поздравив дочку, она сказала: «Ты уже почти взрослая барышня, и тебе пора иметь свой альбом, предназначенный для пожеланий и советов твоих подруг и друзей. Когда-то и у меня был такой альбом. Береги его всю жизнь. Когда ты станешь старше, тебе, возможно, покажутся наивными и смешными некоторые его записи, но все равно храни его, ибо в нем — память о твоих самых безмятежных и светлых годах».

Первую запись в своем альбоме Адель сделала сама, в тот же день. Ведь она, как радушная хозяйка, должна «встретить гостей» своего альбома, которым суждено остаться в нем навечно. «Пишите, милые подруги, / Пишите милые друзья, / Пишите все, что вы хотите. / Все будет мило для меня», — вывела она идеальным почерком.

Адель последовала совету матери. Несмотря ни на что, она берегла свой альбом всю жизнь, а осенью 1941 года перед депортацией в Казахстан, откуда ей не суждено было вернуться,

завещала его оставшейся в Москве дочери Эльзе, умершей в конце 1998 года. Теперь альбом находится в семье внука Адели — Александра Кобзаря.

Итак, перед нами — альбом ученицы московской гимназии при Петропавловской евангелическо-лютеранской церкви Адель Мартинсон. Один из многих тысяч. Разумеется, существовавших, а не существующих. В XIX — начале XX в. почти каждая более или менее образованная девушка — будь то блиставшая на балах аристократка или скромная гимназистка — имела альбом, в котором приятельницы и кавалеры оставляли лаконичные, обычно в поэтической форме, послания, содержавшие возвышенные или шуточные пожелания, заверения в преданной дружбе или завуалированные признания в любви. Нередко послания сопровождали рисунки: алые розы или скромные полевые цветочки, идиллические пейзажи. Большинство этих альбомов погибло в силу различных обстоятельств, в том числе небрежения потомков.

В архивах и музеях России хранятся отдельные альбомы XIX—начала XX в., ценность которых определяется прежде всего наличием автографов великих людей. А если альбом принадлежал самой обыкновенной барышне, весьма далекой от культурной элиты? Означает ли это, что он не представляет никакого интереса для потомков? Конечно, нет. Каждый альбом, независимо от литературных достоинств содержащихся в нем посланий, биографий их авторов и самой его владелицы, является бесценным историческим источником. Он помогает нам понять психологию и мировосприятие давно ушедших поколений, увидеть «изнутри» и почувствовать прошлое.

Несмотря на массовую гибель старинных девических альбомов, эта традиция сохранилась среди советских школьниц. Продолжается она и по сей день. Хочется надеяться, что наши юные читательницы сохранят свои альбомы, подобно героине

этого очерка.

Но вернемся к альбому Адель Мартинсон. Эта девочка родилась в Москве в немецкой семье и училась в гимназии при евангелическо-лютеранской церкви, где преподавание большинства предметов велось на немецком языке. В доме Мартинсонов говорили по-немецки, но когда приходили гости, беседа нередко велась по-русски. Среди подруг Адели были девочки из немецких и русских семей, и она с раннего детства привыкла говорить на обоих языках.

Альбом Адель Мартинсон отражает типичное двуязычие образованной московской немецкой семьи. В нем имеются записи и на немецком, и на русском языках, однако сама Адель сделала запись, адресованную будущим авторам ее альбома, по-русски. Почему? Очевидно, в силу впитанного с молоком матери чувства «языковой этики», обязывающей говорить в обществе на языке, понятном не большинству, а каждому. Русским языком свободно владели все подруги Адель, а немецким — не все; Адель же предназначала свой альбом для всех, и естественно, что ее «приглашение» написано по-русски.

Записи в альбоме Адель Мартинсон относятся к 1905 и 1906 годам — времени Первой русской революции. Однако для нее и ее друзей бушевавшая буря была где-то вдали. Адель ходила в гимназию, учила уроки, читала и мечтала, и ее размеренную и безмятежную жизнь миновал в те годы ураган эпохи. На ее альбоме почти отсутствует печать времени. Почти, потому что все-таки одна запись отражает отчасти восприятие событий Первой русской революции в семье Мартинсонов. Они отнюдь не были революционерами, но сочувствовали страдающему и бесправному народу и верили, что либеральные реформы облегчат его жизнь. Смутные ожидания некоей политической оттепели, за которой последует настоящая весна и свобода, новый разумный путь, перешли от взрослых к детям. 7 марта 1906 года Оля

Мартинсон записала в альбом сестры следующие строки Некрасова: «Господь! Твори добро народу! / Благослови народный труд; / Упрочь народную свободу, / Упрочь народу правый суд! / Чтобы благие начинанья / Могли свободно возрасти, / Разлей в народе жажду знания / И к знанию укажи пути! / И от ярма порабощенья / Твоих избранников спаси, / Которым знамя просвещенья, / Господь, ты вверишь на Руси!»

Вообще послания юных родственниц и подруг Адель отличаются серьезностью и некоторой торжественностью. «Mit Gott fang an, mit Gott hör auf, das ist der beste Lebenslauf» (С Богом начинай и с Богом кончай — вот лучший жизненный путь), — так сформулировала свое кредо одна из них. Тема другого послания — дружба: «Es gibt eine Brücke im Leben, / Die führt über alles und hin; / Und wer sie hat gebaut / Dem ist gar froh zu Sinn. / So sicher ist die Brücke, / Die führt in Lust und Schmerz. / Es ist der Freundschaft Brücke, / Die führt von Herz zu Herz». (Есть в жизни мост, который ведет через всё и вся. Хорошо тому, кто его построил: по этому прочному мосту он пройдет через радости и скорби. Это — мост дружбы, который проходит от сердца к сердцу).

Для выражения своих мыслей и чувств девочки любили использовать цветочную символику. «Wie der Herr die zarten Blüten / Schirmet unter Eis und Schnee, — / Also mög er dich behüten / In der Lebens Leid und Weh» (Подобно тому как Господь укрывает нежные цветы подо льдом и снегом, пусть он хранит тебя в жизненных невзгодах), — таково было одно из пожеланий, которое Адель получила в день своего тринадцатилетия.

Что касается друзей Адели, то почти все они единодушно желают ей одного — любви и радостей жизни. «Дай Бог, чтоб вечно Вы не знали, / Что значит толки дураков / И чтоб Вам не было печали / От шпор, мундиров и усов! / Дай Бог, чтоб Вас не огорчали / Соперниц мнимые красы / И чтоб у ног Вы

увидали / Мундир и шпоры и усы!» — такие стихи посвятил Адель некий юный «поэт». «Лови, лови часы любви, пока огонь горит в крови», — добавил второй. А третий, присоединившись к пожеланию жить радостями сегодняшнего дня, посоветовал Адели поменьше мечтать о будущем, ибо «ты не живешь, когда мечтаешь»: «Träume von der Zukunft nicht zu viel, Du lebst nicht, wenn Du träumst».

Впрочем, молодым людям не вполне чужды были и меланхолические раздумья о бренности земного счастья. «О радость, радость, что же ты / Нам скоро изменяешь / И сердца милые мечты / Так рано отнимаешь», — поделился один из них своими размышлениями. Другой согласен с этим, но советует Адели относиться к невзгодам спокойно и с улыбкой, ибо ничто в земном мире не совершенно: «Geniess die Gegenwart mit frohem Sinn, / Sorglos, was dir die Zukunft bringen werde, / Doch nimm auch bitterm Kelch mit Lächeln hin — / Vollkommen ist kein Glück auf dieser Erde». (Наслаждайся настоящим и не заботься о будущем, но и горькую чашу принимай с улыбкой — нет совершенного счастья на этой земле).

Среди всех этих посланий выделяется одно, которое я считаю своим долгом процитировать полностью, несмотря на его длину и небезупречные литературные достоинства. Почему? Наберитесь терпения, дорогие читатели, и вы все узнаете.

«Wer Feinde nicht ertragen kann, ist keines Freundes wert. / Dir müssen Feind sein: die die Knechtschaft wollen! / Dir müssen Feind sein: die die Wahrheit fürchten! / Dir müssen Feind sein: die das Recht verdrohen! / Dir müssen Feind sein: die von Ehre weichen! / Dir müssen Feind sein: die nicht Freunde haben! / Dir müssen Feind sein: die nicht Feinde haben! / Weil, um für sich Verzeihung zu gewinnen, die Welt zu leicht verzeiht. / Dir müssen Feind sein: für welche du nicht Freund bist». (Тот, кто не способен иметь врагов, не достоин и дружбы. Тебе должны быть врагами те, которые желают рабства. Тебе

должны быть врагами те, которые страшатся правды. Тебе должны быть врагами те, которые искажают закон. Тебе должны быть врагами те, которые отступили от чести. Тебе должны быть врагами те, которые не имеют друзей. Тебе должны быть врагами те, которые не имеют врагов, ибо, чтобы заслужить прощение, они слишком легко прощают этот мир. Тебе должны быть врагами те, для которых ты не друг).

Автором этого — не пожелания и не совета, — а сурового бескомпромиссного требования был двадцатисемилетний учитель биологии Петропавловской гимназии Александр Левенталь. Какое впечатление произвело это послание на двенадцатилетнюю девочку, неизвестно. Знаем мы лишь одно: она не прельстилась ни мундиром, ни шпорами, ни светским обхождением. Ее единственным избранником стал тот, кто впервые в жизни заговорил с ней не как с ребенком и даже не как с маленькой барышней, а как с человеком. Что касается господина Левенталя, то он едва ли выделял скромную прилежную гимназистку среди многочисленных втайне обожавших его учениц, но когда зимой 1912 года он встретил на балу красивую статную барышню, его сердце отчаянно забилося и он невольно подумал: «Ужель та самая Адель?!» Между тем ситуация казалась безнадежной: учитель женской гимназии был застенчив и не принадлежал к числу блестящих кавалеров. Но все-таки, преодолев смущение, под влиянием еще неясного чувства, он пригласил бывшую ученицу танцевать и, провожая ее на место, неожиданно для самого себя решился на неслыханную дерзость: пригласил ее после бала вдвоем покататься на тройке. И она, благовоспитанная и неприступная барышня, без колебаний согласилась

«Не ожидала я этого от Вас, господин учитель!» — строго сказала госпожа Мартинсон, когда дочь далеко за полночь явилась домой в сопровождении Александра Густавовича. Учитель смущенно извинился и исчез, а на следующее утро явился опять

— с предложением руки и сердца.

Рука об руку прошли Александр и Адель свой жизненный путь, продолжавшийся более полувека. Он был тернист и труден, но на всем его протяжении их согревало негасимое ровное пламя взаимопонимания и любви.

Часть 2

Советская школа 1920-х годов... При этих словах мы обычно представляем восторженных пионеров и комсомольцев; так называемый «бригадный метод» овладения знаниями; уроки, прославляющие Октябрьскую революцию и успехи социалистического строительства... Все так, но этим далеко не исчерпывалась школьная жизнь. Наряду с ее официальной, внешней стороной, существовала еще своего рода «школьная субкультура», которая совершенно не вписывалась в господствующую идеологию того времени.

Эту «школьную субкультуру» можно назвать таинственным островком. Что мы знаем о нем? Почти не осталось в живых тех, кто учился в то время, а исторические источники о «неофициальной» школьной жизни, за редким исключением, утрачены. Этим редким исключением является альбом Эльзы Левенталь — дочери героев предыдущего очерка.

Эльза ходила, как и все, в «единую трудовую школу» и, в соответствии с семейной традицией, была отличницей. Она уверенно и без запинки излагала взгляды классиков марксизма-ленинизма, но на вопрос учительницы: «А ты как сама считаешь?» так же уверенно ответила: «Это мое дело». Дерзкий ответ остался без последствий: это были еще двадцатые годы.

Эльза отнюдь не была в своем классе «белой вороной». Дело в том, что ее школа находилась в Колпачном переулке, недалеко от Петропавловской евангелическо-лютеранской церкви, то есть в том районе, где и до революции, и в 1920-е

годы жили многие немецкие семьи. Школа была самой обычной и по учебным программам, и по преподавательскому составу, однако ученики были не совсем обычные. Многие старшеклассники, например, после уроков спешили к пастору на занятия по подготовке к конфирмации, где изучали Священное Писание и Катехизис. Не то чтобы они были очень набожны, однако в то время не пройти конфирмацию для них, советских школьников из лютеранских семей, было невысказано: тот, кто не подтвержден, не мог считаться полностью совершеннолетним, да и что скажут родители? Авторитет же родителей был для них неизмеримо выше школьной атеистической пропаганды. Педагоги знали, куда ходят их питомцы после уроков, но сделать ничего не могли. Правда, один мальчик был все-таки исключен из школы: за то, что на уроке зубрил Катехизис.

Однако вернемся к Эльзе Левенталь. Когда она была маленькой, ей очень хотелось иметь свой собственный настоящий альбом — такой, как у мамы. И наконец мечта ее осуществилось: в день одиннадцатилетия, 29 декабря 1924 года, она получила долгожданный подарок. Это был миниатюрный альбомчик в шелковой зеленой обложке, украшенной серебряным орнаментом.

Первую запись в своем альбоме Эльза сделала сама. Взяв мамин альбом, Эльза аккуратно переписала из него уже знакомые нам строки: «Пишите милые подруги, / Пишите, милые друзья, / Пишите все, что вы хотите: / Все будет мило для меня».

Одной из первых последовала приглашению Маша Разумнова: «Пусть ангел-хранитель тебя укрывает / От всякой невзгоды земной, / Пусть доброе сердце твое не узнает / И тени беды никакой. / Расти беззаботно среди попечений / Любимых, родных и друзей. / Когда же наступит минута сомнений, / Спаситель да будет защитой твоей».

Эта запись может показаться странной: большевики у власти уже восемь лет, а ученица «единой трудовой школы»

пишет об ангеле-хранителе и Спасителе. Однако Машино пожелание было воспринято как само собой разумеющееся, и на следующей странице Рита Шолле сделала аналогичную запись: «Тебе желаю, дорогая, / Чтоб ты счастливая была / И чтоб рука Творца святая / На добрый путь тебя вела».

Эльза и ее подруги из московских немецких семей учились в русской школе и друг с другом говорили преимущественно по-русски. Однако родной язык, ставший почти исключительно языком семейным, не был полностью вытеснен из сферы их общения. «Erzfeind von allen Heuchelein, / Sei jedem Auge, was Du bist; / Man muss in allen Augen sein, / Was man in Gottes Augen ist» (Будь врагом всякому лицемерию и представай перед каждым таким, каким являешься на самом деле. Надо быть в глазах других людей таким, каким ты являешься перед лицом Господа), — посоветовала подруге Элинор Гельмс, процитировав строки из стихотворения немецкого поэта XVIII века И. Глейма.

Совет отца более прозаичен и сдержан: «Sei lustig, wie ein Falter bunt, / Doch holt bescheiden Deinen Mund. / Magst ohne Sorgen fröhlich flattern, / Doch sollst Du niemals unnütz schnattem» (Будь весела, как пестрая бабочка, но язык держи за зубами. Порхай беззаботно, но никогда зря не болтай). Сколь отличается эта запись в альбом 12-летней дочери от пространного и торжественного наставления 12-летней ученице, сделанного 20 лет назад! (См. предыдущий очерк). И неудивительно: годы и жизненный опыт не могли пройти бесследно.

Как и их сверстники 20 лет назад, подруги и друзья Эльзы мечтали о счастье, хотя смутно представляли, в чем оно заключается. Они предчувствовали, что впереди их ждут невзгоды и трудности, однако верили, что рано или поздно все будет хорошо: «После грома, после бури, / После тяжких, мрачных дней / Прояснится свод лазури, / Сердцу станет веселей»; «Не говори, что тяжело живется, / Что душу давит

гнет немой тоски, / Придет пора — тебе жизнь улыбнется, /
И будешь счастлива, довольна ты»; «Лишь помни только три
совета: / Люби, надейся, крепко верь. / Дождешься от судьбы
и ласки, и привета, / Широко распахнется к счастью дверь».

«Лови момент удачи», — такова последняя запись в альбоме Эльзы, датированная 1 июня 1928 года.

Итак, мы познакомились с двумя альбомами — матери (1905-1908) и дочери (1925-1928), — которые разделяют 20 лет. Легко заметить, что в альбоме Адель преобладают записи на немецком языке, а в альбоме Эльзы — на русском, что объясняется языком преподавания и кругом общения. Иллюстрации в альбомах тоже различны: рисунки сменились переводными картинками и иллюстрациями. И это неудивительно: преподавание рисования в российских гимназиях позволяло учащимся овладеть основными навыками рисунка; школа, в которой училась Эльза, подобной «роскоши» себе позволить не могла.

И все же альбомы гимназистки и советской школьницы имеют немало общего. Это касается прежде всего стиля и основных идей посланий. Ученицы «единой трудовой школы» были не менее сентиментальны, мечтательны и аполитичны, чем гимназистки Российской Империи.

Следует сказать, что большинство пожеланий из альбома Эльзы не сбылось. Она не была счастлива в общепринятом смысле этого слова, но в последние годы жизни, когда я ее узнала, она, несмотря на горести и болезни, как бы вся светилась изнутри, озаряя всех вокруг теплом своей доброты. Она никогда не сетовала, ни о чем не жалела и вспоминала о пережитом с благодарностью к Богу, присутствие которого чувствовала всю свою жизнь. Так что одно пожелание из альбома Эльзы все-таки сбылось: рука Творца неизменно вела ее по доброму пути.

«ЧТО ПОДАРИТЬ ТЕБЕ, МОЯ ЛЮБОВЬ?»

В этом очерке мы опять обратимся к семье Левенталей, дабы читатели лучше узнали Александра Левенталья — избранника Адель Мартинсон.

Его отец Густав Левенталь (1849-1918) был уроженцем Кенигсберга, и в 1870-е годы он вместе со своим братом Дагобером (1840-1893) приехал в Москву и занялся предпринимательской деятельностью. Однако бизнес не поглощал всю энергию братьев. Они были веселы, общительны, любили попеть, и неудивительно, что вскоре после приезда оба стали активными членами московского немецкого хорового общества «Лидертафель» (см. Томан И.Б. Московский «Лидертафель» // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М., 1997. С. 316-336). Они не только музицировали, но и сочиняли пьесы для домашних спектаклей и стихи «по случаю», которые торжественно исполнялись на собраниях «Лидертафеля». Сын Густава Левенталья — Александр (1878-1964), — который, как мы помним, был учителем естествознания в московской гимназии при Петропавловской евангелическо-лютеранской церкви, принадлежал, подобно отцу и дяде, к числу самых ревностных «лидертафельцев», являясь одновременно и поэтом, и певцом, и драматургом, и душой общества.

В 1914 году «Лидертафель», как и другие немецкие культурные объединения России, был ликвидирован, а его члены рассеялись по свету. Такова была участь и семьи Левенталей. Густав Левенталь, оставаясь германским подданным, был выслан с женой из Москвы и после множества перипетий добрался до родного Кенигсберга, где вскоре умер. Александр же, будучи российским подданным, остался с семьей в Москве, где вплоть до депортации в 1941 году преподавал немецкий язык.

В начале 1920-х годов, когда жизнь в Москве стала более

или менее налаживаться, Александр попытался собрать уцелевших друзей и возродить «Лидертафель».

Впервые после 8-летнего перерыва «лидертафельцы» собрались летом 1922 года, и с этого времени свои встречи они воспринимали как продолжение традиций прежнего общества. Об этом свидетельствует поэтическое эссе-воспоминание Александра Левенталья под названием «Пролог к семейному вечеру Лидертафеля 13 января 1923 года».

«Суровы переживаемые нами времена, — говорилось в нем, — но прошедшие 8 лет кажутся нам горячечным сном, от которого мы и теперь проснулись лишь наполовину. Не снится ли нам, что после долгих лет мы, счастливые, как дети, вновь собрались у рождественской елки? О, если б мы были детьми и если б сном оказалось все пережитое нами! Глубокие раны были нанесены народам и всему человечеству. Когда разразилась эта несчастная война и многие немцы были изгнаны из страны, наши песни смолкли перед ненавистью, объявшей народы. Но сердца наши сжала еще более острая боль, когда гражданская война и яростная война партий ввергли огромную страну в пучину страданий. Сколь многие из нашего дружеского круга стали жертвами того черного времени! Иные погибли, иные развеяны по свету. Но постепенно туман рассеивается, солнце снова проглядывает сквозь тучи, и мы медленно поднимаем голову. Вновь звучат столь милые сердцу песни, и вновь собираются старые друзья».

Как видим, в начале 1920-х Александру Левенталю и его друзьям казалось, что они испили свою чашу страданий до дна и жизнь входит постепенно в нормальное русло. И это неудивительно: было допущено частное предпринимательство, экономическое положение страны понемногу улучшалось, крепло деловое сотрудничество с Германией.

И уцелевшие «лидертафельцы» воспрянули духом. Хотя

их общество официально не было восстановлено, они собирались вместе, пели песни из своего старинного репертуара, разыгрывали домашние спектакли на немецком языке и предавались воспоминаниям... Теперь «лидертафельце» было раз в десять меньше, чем прежде, и собирались они уже не в ресторане «Славянский базар», а в маленькой квартире Александра Левенталья, однако эти редкие встречи имели для их участников не меньшее значение, чем прежние вечера и концерты. Ведь это было то немногое, что осталось от московской немецкой культуры, это была их последняя отдушина.

С начала 1930-х годов в связи с ужесточением политического режима эти встречи становились все реже, а во второй половине 1930-х, в результате массовых арестов и закрытия последней евангелическо-лютеранской церкви Москвы — Петропавловской — совсем прекратились.

В 1936 году арестовали одну из дочерей Александра Левенталья, а в 1941 году его с женой сослали в Казахстан. В Москве осталась его другая дочь Эльза, которая была замужем за русским и потому не подлежала выселению. Разумеется, она, хоть и избежала общей участи, в течение многих лет ежедневно находилась под угрозой ареста, однако, несмотря ни на что, полностью сохранила семейный архив: стихи отца и деда на немецком языке; альбомы (с содержанием которых мы уже познакомились); фотографии родных и знакомых, в том числе последнего пастора Петропавловской церкви Александра Штрека, расстрелянного в 1936 году, и много других уникальных документов, являющихся ценнейшими источниками по истории культуры московских немцев.

Вашему вниманию я предлагаю два стихотворения Александра Левенталья, созданные в 1940-е годы в Казахстане и сохраненные его дочерью Эльзой. Оба они посвящены жене. Одно из них, датированное 24 мая 1942 года, написано в честь

30-летия свадьбы; другое, от 22 марта 1948 года, знаменует день рождения любимой супруги. Эти, как и другие многочисленные стихи Александра Левенталя, написанные в депортации, — на немецком языке. Сколько самообладания и душевных сил надо было иметь, чтобы сочинять и хранить их! Но от родного, материнского языка (Muttersprache) и от традиционных нравственных ценностей в семье Левенталей, несмотря ни на что, не отреклись.

O, sprich, mein Lieb, wie soll ich dir beschenken,
Um unsres Hochzeitstages würdig zu gedenken?
Es ist in diesen traurig öden Landen
Beim besten Willen wahrlich nichts vorhanden,
Was deiner und des grossen Tages wert.
Sonst hatte ich was schönes dir verehrt.
Mit Blumen war das Hochzeitsfest geschmückt,
Kristall und Silber sah man reichlich prangen, —
Natur und Kunst. Mögst du mich heut' empfangen,
Was ich auf Bergeshalden dir gepflückt.
Und diese anspruchslose kleine Gabe, —
Das einzige, was ich gefunden habe, —
Kein Kunstwerk zwar, doch ist es wohlgemeint,
Da es das Hübsche mit dem Nützlichen vereint.
Das kostbare Geschirr bewahr' zum Festgelage,
Dies Tellerchen benutze alle Tage.
Auch hier sind Blumen, doch ein Abbild nur,
Erinnerung an die Vergangenheit.

Die Blumen der lebendigen Natur,
Sie lenken auf jetzt und künft'gen Zeit.
Denn heute blicken wir auf das, was einst gewesen
Und wollen auch der Zukunft Plane lösen.

Den 24. Mai 1942

Что подарить тебе, моя любовь?
Наш праздник наступил сегодня вновь!
Тридцатилетье свадьбы отмечать,
Но ничего, увы, здесь не достать.
Глухие, неприютные края...
Но все ж, смотри, принес ведь что-то я!
Ты помнишь ли? На свадебном пиру
Хрусталь и розы были здесь и там,
И, чтобы праздник вновь устроить нам,
Решил: цветы в горах я соберу.
И блюдо вот — конечно, не хрусталь,
Зато использовать его не жаль
Во всякий день. Гляди: цветы на нем.
Они дают уверенность в том,
Что, как природа, радость возродится
И просветлеют снова наши лица.
Давно мы проводили жизни праздник,
Но будущее встретим без боязни.

24 мая 1942 г.

* * *

Ach, die Zeit macht alles zu Ruinen.
Selbst die Karten, die zum Spielen dienen,
Einst so wunderhübsch und farbenbunt,
Gehen auch allmählich auf den Hund.

Dass dich dennoch stets das Spiel erfreue,
Malte ich mit edler Liebesfreue,
Bunten Stiften und mit viel Gefühl
Dir ein neues, schönes Kartenspiel.

Nicht nur schnöde Karten bringen Glück:
Denn zum Besten seiner Politik

Zahlt der Staat den Leuten, die drin wohnen,
Ausser Geld auch noch Obligationen.

Doch nicht nur für deine Seelenfreuden
Sorgte ich: du sollst nicht Hunger leiden,
Auch dein Magen habe sein Vergnügen:
Deshalb siehst du diese Wurst hier liegen.

Unser Töchterlein, uneigennützig,
Brachte, war es noch es nass und schmützig,
Diese Blumen zu den andern Gaben,
Aug' und Herz an ihrem Glanz zu laben.

Doch der Freuden grösste kommt zuletzt:
Gestern rannt' ich zu der Post hin wie gehetzt,
Denn ich ahnte, dass auch Elschen dir
Glück wünscht und Gesundheit für und für.

Und wir alle schliessen ins ihr an,
Wünschen dir das Schönste, was man kann:
Dass wir viele deiner Wiegenfeste
Mit dir feiern, – das ist wohl das Beste.

Den 22. März 1948

Ах, как все на свет быстротечно:
Даже карты, и они не вечны.
И, чтоб наши игры продолжать,
Нам придется их нарисовать.

Но не только в картах счастье, кстати:
Государство нам зарплату платит
Не деньгами лишь — и у народа
Облигаций полная колода.

Но чтоб игры все пошли нам впрок,
Вот тебе и колбасы кусок,
И впридачу подарила дочка
Маме-имениннице цветочки.

И еще нас радость ожидала:
Эльза поздравление прислала.
Пусть же вместе будем много лет —
Пожеланья большего и нет.

22 марта 1948 г.

Примечания:

- 1. Здесь и в следующем очерке стихи не редактировались.*
- 2. Все поэтические переводы И.Б. Томан.*

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА...»

Был длинный и темный декабрьский вечер. Пожилая усталая женщина стояла у окна кухни. Она смотрела на пелену падающего снега, на черные силуэты деревьев в лиловом свете фонарей, и вдруг ей стало казаться, что старый тополь во дворе становится все больше, больше, и вот это уже не тополь вовсе, а устремленный ввысь гордый и стройный готический собор ее родного города. Из его окон льется золотой свет, озаря стаи снежинок. Но, может быть, это не снежинки, а совсем крошечные, не видимые нам ангелы, которые летали над Младенцем Христом в первую Святую ночь? И вот откуда-то из неведомой заоблачной дали послышался тихий звон колоколов и полилась прекрасная, с детства знакомая рождественская мелодия. Она была такая нежная, прозрачная, но она действительно звучала, звучала наяву, не во сне, и заполняла собой всю Вселенную.

И вдруг резко и требовательно зазвонил телефон. Женщина вздрогнула, зажгла свет. Чары кончились. А потом вернулись из института дети-студенты, пришел с работы муж и все было, как всегда: ужин, разговоры, мытье посуды, «Последние известия», телефонные звонки. Но поздно ночью, когда все улеглись, она снова сквозь дрему услышала знакомую мелодию. На этот раз она звучала чуть громче, и можно было даже различить слова, которые пел невидимый хор. Женщина осторожно встала, зажгла настольную лампу и записала то, что смогла услышать.

Закончив последнюю строку, она внимательно перечитала стихотворение и поставила дату — 24 декабря 1962 года.

На каждое Рождество Фрида Капцова, урожденная Хайн, писала стихи. Конечно же, на немецком — своем родном языке. Вот уже сорок лет она жила в Москве, но чем старше становилась, тем реальнее и ближе ей казался мир ее детства и юности, ее Кенигсберг, который она покинула в 1923 году, когда вышла замуж за профессора физики Московского университета Николая Александровича Капцова. У нее было трое детей, и всю свою жизнь Фрида безраздельно посвятила семье. Повседневные хлопоты, заботы и тревоги оставляли мало времени для воспоминаний и размышлений, но в глубине сердца Фрида хранила и лелеяла образ родного города. Она знала: старого доброго Кенигсберга нет и не будет на этой земле. Но она знала и другое: её Кенигсберг, Кенигсберг Фриды Хайн будет жить, куда бьется ее сердце.

С ранней юности до конца жизни Фрида писала стихи. Она никому их не показывала, тем более не думала о публикации. Но не писать не могла; поэзия была для нее так же необходима и естественна, как дыхание. Стихи Фриды Хайн отражают ее сложный и противоречивый внутренний мир. Любовь заставила ее покинуть родину и уехать в Россию. Здесь она нашла семейное

счастье, но окружающая действительность была чужда ей, и она всю жизнь мучительно тосковала по родине.

В стихах Фриды Хайн чаще всего встречаются два образа: матери и родного города. Мать, которую она потеряла в 13 лет, навсегда осталась для нее самым близким и дорогим человеком, единственным, кто мог ее по-настоящему понять и утешить. И даже будучи намного старше своей матери, навсегда оставшейся 38-летней, она вновь и вновь писала ей стихи. Точнее, поэтические послания в мир иной. И когда наступало Рождество, Фрида неизменно вспоминала вечно юную, красивую, нарядную маму, пахнущую лесом елку, мерцающие свечи и могучий, радостный звон колоколов.

Стихи Фриды Хайн

Weihnachten

I.

Mir ist's, als hört ich Glocken klingen –
Von fern ward mir ihr Klang gebracht;
Es soll mir heut' Erinn' rung singen
Das süsse Lied der Weihenacht.

Und wieder geh' ich durch die Strassen,
Hoch klopft das Herz, das Auge schaut.
Ich kann und kann den Blick nicht lassen
Von allem Glanz , der aufgebaut.

Die alten, lieben Weihnachtsweisen,
Die reine, traute Weihnachts wär!
O könnt' ich mit den Hirten preisen:
“Vom Himmel hoch, da komm' ich her”

Vorbei, – in diesen wilden Tagen
Hört man den Glocken Lauten nie.
Es übertönt der Trommelschlagen
Die holde Weihnachtspoesie.

1936

Рождество

I.
Мне кажется, звонят колокола,
И вижу снова в небесах сиянье.
Их песнь издалека мне принесла
О светлом Рождестве воспоминанья.

Иду по городу — о, как он мне знаком!
Вот улица — ее я помню с детства.
Украшен и сверкает каждый дом.
Смотрю — и все не в силах наглядеться.

Да, эта жизнь давным-давно прошла,
Но кажется: порой я слышу пенье.
О, если б с пастухами я могла
Спасителя прославить со смиреньем!

Нет, не вернуться эти времена.
Теперь лишь марши здесь и там играют,
И музыка с небес нам не слышна:
Ее бой барабанов заглушает.

1936

II.

Wie oft schon stand in Flitterschaum
Die vieumsung'ne Tannenbaum;
Wie oft schon hat die Weihenacht
In tausend Kerzen uns gelacht.

Wie oft schon, bei der Glocken Klang
Ertönte hell der Weihnachtssang.
Wie oft, ach, denke ich zurück
Des Tages voll von Kinderglück.

Nun ist es wieder Weihnachtszeit,
Und alles liegt so fern, so weit,
Und alles ist so schwer und tot,
Von Menschenleid und Menschennot.

1944

II.

С небес на землю вновь слетая,
Нам улыбалась ночь святая,
И елки праздничный наряд,
Как прежде, радовал нам взгляд.

И тысячи свечей мерцали,
И песнопения звучали,
И мерный колокола звон...
Ах, детство, словно сладкий сон!

А ныне лишь тоску и горе
Прочсть могу я в каждом взоре,
И вот настало Рождество.
И все вокруг лежит мертво.

1944

III.

In der Christnacht steh' ich am Fenster lang.
Höre der Glockenklang, lausche dem Weihnachtssang.
Lausche und träume. Schau auf der Flocken Fall.
Friede auf Erden, Friede sei überall!

Zündet die Kerzen. Öffnet des Herzens Schrein!
Schliesset als Brüder die ganze Menschheit ein!
Feiert das schönste Fest, lasst böse Triebe.
Knüpfet von Land zu Land Bände der Liebe.

Schaut in die Christnacht still, reicht euch die Hände.
Wenn doch den rechten Weg ein jeder fände!
Lasst auf der Erde Ball Frieden uns werden.
Einigt das Menschenvolk! Friede auf Erden!

1952

III.

В ночь Рождества я встала у окна —
Мне музыка со всех сторон слышна.
Смотрю — снежинки все пустились в пляс.
Мир на земле и в небесах сейчас.

Зажгите свечи, распахнув сердца,
Любите всех, как братьев, без конца!
И пусть не будет злобы и обид,
И этот мир любовь соединит.

Друг другу руки надо протянуть.
О, если б все нашли бы верный путь!
И, глядя в ночь, я повторяю вновь:
«Да будет мир и вечная любовь!»

1952

IV.

Steige hernieder, heilige Nacht,
Freude und Frieden sei allen gebracht.
Weit geöffnet des Himmels Tor,
Lässt uns hören des Engel Chor.

Wie sie singen in heiliger Nacht,
Dass uns Gott seinen Sohn gebracht.
Hirten folgten dem leuchtenden Stern,
Fanden die Krippe und dankten den Herrn,
Schaut auf das Kindlein in Bethlehems Stall.
Frieden auf Erden allüberall!

1962

IV.

Ближе, все ближе светлая ночь,
Скорби, тревоги уносятся прочь.
Небо открылось — поднимем же взор,
Слушать давайте ангелов хор.

Бог нам на землю Сына послал,
Свет от звезды Рождества засиял.
Вот пастухи за звездой пошли,
Младенца Иисуса в пещере нашли.
Богу тогда поклонились они —
Вот и настали светлые дни.

1962

Sehnsucht

Mutter, reiche mir die Hände,
Da ich hier so einsam bin,
Und ich zähle Stunden, Stunden,
Die Minuten, die Sekunden...
Trübe ist mir Herz und Sinn.
Mutter, reiche mir die Hände!

Mutter, nimm mich in die Arme!
Habe danach heissig Sehnen.
Hab' Verlangen, tu mich bangen,
Dass sie liebend mich empfangen,
Und es fliessen meine Tränen.
Mutter, nimm mich in die Arme!

Mutter, sing' mir deine Lieder,
Sei sie mir als Kind gesungen.
Sphäreklänge, Harfenlieder,
Will euch hören, kehret wieder, –
Sind die Saiten denn gesprungen?
Mutter, sing' mir deine Lieder!

Mutter, Mutter, hör' mich rufen!
Hast so früh mich auch verlassen.
Möchte dich mit Küssen wecken,
Nach dir froh die Hände strecken.
Soll die Welt ich lieben, hassen?
Mutter, Mutter hör' mich rufen!

1933

Тоска

Протяни мне руку, мама!
Как мне одиноко тут!
И на сердце мне все время
Давит тягостное бремя,
А часы идут, идут...
Протяни мне руку, мама!

Обними меня ты, мама!
Защити и обогрей.
И обвей меня руками,
И от счастья я слезами
Изойду. Приди скорей!
Обними меня ты, мама!

Мама, спой свои мне песни,
Спой еще хотя бы раз
Те, что ты мне в детстве пела.
Я б услышать их хотела,
Как тогда, в счастливый час.
Мама, спой свои мне песни!

Ах, услышь меня ты, мама!
Как смогу одна я жить?
Ты — одна моя отрада.
Этот мир, скажи, мне надо
Ненавидеть иль любить?
Ах, услышь меня ты, мама!

1933

Ich möchte heim!

Ich möchte heim", so hab' ich oft gesagt,
Wenn wir als Kinder auf der Wiese tollten,
Und meine Füße nicht mehr weiter wollten.
"Ich möchte heim!"

"Ich möchte heim", auch in der Jugend Blüte,
Wenn starke Arme führten mich zum Tanz,
Und alles stand im eitel Sonnenglanz.
"Ich möchte heim!"

"Ich möchte heim", so ruf' ich heute aus,
Da uns der Krieg getrieben aus dem Haus,
Da wir in Tränen, Blut und Kampfesgraus.
"Ich möchte heim!"

"Ich möchte heim", so werd' ich wieder sagen,
Wenn meine Füße mich genug getragen,
Wenn meine letzte Stunde ausgeschlagen.
"Ich möchte heim!"

1943

Хочу домой!

«Хочу домой!» — я часто говорила,
Когда с детьми играла и шалила.
Но вот резвиться уже нету силы —
«Хочу домой!»

«Хочу домой», — просила я опять,
Когда меня повел он танцевать
И солнце ослепительно сияло.
«Хочу домой!»

«Хочу домой!» — средь грохота и грома
Кричу опять. Опять меня из дома
Изгнала ненавистная война.
«Хочу домой!»

«Хочу домой», — скажу в последний час,
Когда на мир взгляну в последний раз.
«Хочу домой!»

1943

Bald ist es Zeit

Die Wolken ziehen,
Die Wolken fliehen
Über Täler weit.
Bald ist es Zeit.

Über Berge und Hügel,
O hätte ich Flügel
Mit ihnen zur Ferne!
Wie gerne, wie gerne...

Ich sehe sie eilen –
Hier muss ich weilen.
Die Himmel ist weit.
Bald ist es Zeit.

1962

Вот уже скоро...

Плывут высоко,
Летят далеко
Облака над горою.
Вот уже скоро...

Если б могла,
То уплыла,
В даль улетела...
Как бы хотела!

Тучи летят,
Куда-то спешат.
Какие просторы!
Вот уже скоро...

1962

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Первый день без мамы

Ритта проснулась от тихого скрипа двери. В избе было еще совсем темно. На пороге в предрассветных сумерках она увидела уходящую маму.

Шла страда, и девочка привыкла, что мама уходит на работу очень рано, и потому вновь закрыла глаза и забылась безмятежным сном. А затем наступило утро, и начался длинный жаркий летний день — первый в ее семилетней жизни день без мамы. Позже она осознает, что ни мама, ни папа, исчезнувший несколько месяцев назад, никогда не вернуться. А в то время Ритта, сидя с трехлетней сестренкой в тряской телеге, понимала только, что идет война и многие дети остаются без родителей. Рядом с телегой, плача и причитая, бежали женщины. Они-то все знали. Они знали, что мать девочек — Эмма Шахт — арестована, и теперь Ритта и Лора — круглые сироты. В тот августовский день 1941 года они не думали о том, что Эмма Шахт — немка и жена «врага народа». Для них она была только страдальцей, навеки разлученной со своими детьми.

Эти скорбные проводы навсегда врезались в память Ритты Эрнестовны Шахт. Искреннее участие простых русских женщин, увидевших в ее несчастьях не клеймо, а крест, оказало большое влияние на ее мировосприятие, отношение к людям. Впоследствии она не раз ощущала на себе всю тяжесть возложенной на нее государством вины — быть немкой и дочерью «врагов народа», однако неподдельное сострадание к ней того самого народа, врагами которого были объявлены ее родители, перевесило все последующие удары судьбы и обиды.

В детском доме

А потом был детский дом в Чкаловске. И здесь Ритту и Лору окружали добрые заботливые люди, которые делали все возможное, чтобы облегчить детям их сиротство. Когда с продуктами становилось совсем плохо, многие воспитательницы брали ребят к себе домой, где они могли чуть-чуть посытнее и повкуснее поесть и, главное, несколько часов побыть в семье — пусть чужой, но все-таки семье.

В годы войны многие женщины, несмотря на голод, лишения и невыносимо тяжелые бытовые условия, брали на воспитание осиротевших детей. Разбирали детей и из Чкаловского детского дома. В мае 1942 года пришла очередь Ритты. Однажды, когда она сидела одна и рукодельничала, к ней подошла воспитательница и сказала: «Собирайся, за тобой пришли родители». Не помня себя от радости, Ритта опрометью бросилась к ним, но, приблизившись, увидела, что это были совершенно чужие люди. «Это не они!» — отчаянно закричала Ритта и потеряла сознание.

Через несколько дней в детский дом приехала большая группа женщин, и вскоре почти все дети нашли свою «маму». Ритта осталась одна. Она пряталась и никого не искала, ибо не хотела так страшно ошибиться еще раз.

Но однажды она увидела очень красивую молодую женщину. Она была совсем не похожа на маму, но Ритте было в тот момент так одиноко и тоскливо! «Тетя, возьмите меня!» — робко попросила она.

Так началась новая жизнь Ритты, новая в самом буквальном смысле. Теперь у нее были не только другие мама и папа. Теперь она была уже не Ритта Эрнестовна Шахта, а Маргарита Владимировна Мишурина. Вследствие тяжелых нервных потрясений Ритта забыла год и день своего рождения (документов при ней не было), и отныне днем ее рождения стал день ее удочерения, а из семилетней она превратилась в пятилетнюю, потому что была очень маленькой и худенькой.

Через несколько месяцев приемная мать Ритты получила известие о том, что муж пропал без вести на фронте. Это была почти похоронка. Но она не могла смириться с гибелью мужа. Она верила и ждала.

Встречая новый, 1944 год, мать Ритты, подобно многим другим женщинам, гадала о судьбе мужа, и карты показали ей, что он жив и получил подарок на Рождество.

И вот наступило 9 мая 1945 года. В Горький, где жили Мишурины, стали приезжать эшелоны с демобилизованными, но приемного отца Ритты среди них не было.

Каждый раз Ритта и ее новая мать ходили на вокзал к прибытию поезда и, напряженно всматриваясь в толпу, стремились разглядеть знакомое лицо. А потом, уходя с опустевшего перрона, вместе плакали: одна — о муже, другая — об отце — Эрнсте Шахте.

Зимним вечером 1946 года в дом Мишуриных постучали. «Кто там?» — спросила Ритта. «Папа», — ответил незнакомый голос.

Плакала от счастья новая мать, а новый отец, похожий в свои сорок лет на изможденного старика, рассказывал, как был в концлагере в Маутхаузене и как на Рождество 1943 года он действительно получил подарок. Местные жительницы, проезжая на велосипедах мимо колонн заключенных, бросали им узелки с

продуктами, и как раз на Рождество Владимир Мишурин, шедший в тот день с краю колонны, успел подобрать сверток с бутербродами.

Шло время. Ритта давно привыкла к новой фамилии, новым родителям, новому укладу жизни. Но, чем дальше, тем отчетливее становились воспоминания раннего детства, и прошлая жизнь — под другим именем, с другими родителями — виделась ей все яснее и яснее. Но что же все-таки реальнее? Настоящее или прошлое? Понимая необходимость скрывать свое истинное «я», свою раздвоенность, свою внезапно оборвавшуюся прошлую жизнь, Ритта, несмотря на веселый, общительный и живой характер, чувствовала себя нередко мучительно одиноко. У всех прошлое незаметно и постепенно перетекает в настоящее, все имеют только одно «я», все знают, кто они. У нее же прошлое и настоящее никак не связаны. Ее истинное «я» лежит под спудом каких-то таинственных и страшных обстоятельств, в самой глубине ее души. Однажды Ритта не выдержала и под строжайшим секретом все рассказала своей лучшей подруге. Но та не поверила. Или не поняла. Или, может быть, поняла, что такие вещи лучше не знать, а, узнав, сразу забыть.

Обретение себя

Однажды, придя из школы, Ритта увидела маленькую худенькую женщину. Лицо ее показалось ей удивительно знакомым. Неужели? Неужели человек из другого мира? Из прошлого? Из того реального, настоящего мира, в котором она была Риттой Шахт — дочерью военного летчика, Героя Советского Союза Эрнста Шахта?

Это была ее няня Лена Сержантова — полноправный и необходимый член семьи Шахтов. Семьи у нее не было, и всю свою нерастрченную материнскую любовь она обратила на

Ритту и Лору. Когда Эмма с дочерьми уехала в эвакуацию, Лена осталась в Москве и с тех пор ничего о них не знала. После войны Лена стала искать их и в конце концов нашла, — но только Ритту. Погостив немного, Лена вернулась в Москву, а через несколько месяцев, в 1948 году, Ритта уехала к ней навсегда.

Нелегко было четырнадцатилетней девочке решиться на этот шаг, но недаром она была дочерью своих родителей: она умела совершать поступки. Да, Ритте было нелегко сделать этот выбор. Ведь с Мишуринами она прожила семь лет — ровно столько же, сколько со своими настоящими родителями. Приемные мать и отец любили ее, как родную дочь, но прошлое, пусть погибшее, пусть провалившееся навсегда в черную бездну, влекло к себе неумолимо. Ритта уже понимала, что прошлая жизнь не вернется. Но она хотела быть хотя бы рядом с ней. Ей хотелось жить в Москве, где когда-то она жила с родителями. Ей хотелось находиться рядом с человеком, который был членом ее настоящей семьи и знал ее как Ритту Шахт.

В своей новой московской школе Ритта по-прежнему была Мишуриной, и никто из одноклассников не знал ее настоящую фамилию и прошлое.

В 1954 году, получив аттестат зрелости, Ритта зашла к своей классной руководительнице, которая всегда относилась к ней очень доброжелательно. «Попробуй подать на реабилитацию», — тихо посоветовала та на прощание.

Вскоре после переезда в Москву Ритта с помощью старых друзей родителей стала искать сестру. С большим трудом ей удалось выяснить, что Лора живет в Ленинграде с приемными родителями под другим именем, отчеством и фамилией. Летом 1954 года Ритта, наконец, смогла осуществить свою заветную мечту: она встретилась с сестрой. Странно было сознавать, что трехлетняя Лора Шахт и незнакомая 16-летняя девочка по имени Света Вязминская — одно и то же лицо, но

Ритта чувствовала: только она могла быть ее сестрой!

В декабре 1955 года родители Ритты были реабилитированы. Посмертно. Теперь она могла не скрывать, чья она дочь.

В 1958 году она вернула себе свое настоящее имя, свое истинное «я» — Ритта Эрнестовна Шахт. И только тогда она, получив из КГБ свое свидетельство о рождении, узнала, что ей не 22, а уже 24 года.

На первый взгляд, может показаться вполне естественным взять фамилию отца — знаменитого летчика, Героя Советского Союза. Но Шахт есть Шахт. Большинству людей эта фамилия ничего не говорила, кроме того, что она не русская. Несмотря на все заслуги Эрнста Шахта, требовалось немалое мужество, чтобы поменять русские отчество и фамилию на немецкие. После всех страданий и унижений, выпавших на долю людей только вследствие их национальности или «подозрительно» звучащей фамилии, этот поступок Ритты можно назвать гражданским подвигом.

Многим он казался безрассудным. Но Ритта иначе не могла. Это был ее долг перед памятью родителей. Только через обретение внутреннего единства, своего настоящего имени и, значит, своего настоящего «я» Ритта могла утвердиться в собственных глазах. Она понимала, что новая фамилия не лучшим образом скажется на ее взаимоотношениях с другими людьми и карьере. Кроме того, какая была гарантия, что не вернуться прежние времена? Но Ритта сделала свой выбор. Только восстановив связь со своей семьей, со своими корнями, она стала собой и обрела внутреннюю свободу.

Постепенно, шаг за шагом, реконструировала Ритта Эрнестовна историю жизни своих родителей: встречалась с их знакомыми и друзьями; ездила в Энгельс, где 23 февраля 1942 года расстреляли ее отца; была в Карагандинской области, где

погибли бабушка с дедушкой; долго и настойчиво добивалась выдачи из КГБ документов — от собственной метрики до тюремных фотографий родителей. И еще искала родственников за границей: на родине отца в Швейцарии и в США, где с 1923 года жили родители ее матери.

В 1960-1970-е годы иметь родственников за границей было не смертельно опасно, но все-таки неприятно. Не случайно в анкете для отдела кадров вплоть до недавнего времени стоял вопрос: «Имеете ли родственников за границей?» Понятно, что лучше их было не иметь. Такой человек казался «надежнее». Однако у Ритты Эрнестовны были свои приоритеты.

После долгих поисков она нашла, наконец, жившую в Базеле сестру отца, которая в 1974 году прислала ей приглашение.

Получить разрешение на выезд за границу было не так просто. В парткоме Ритте Эрнестовне устроили экзамен на «политическую зрелость». «Какой строй в Швейцарии?» — спросил один из членов комиссии. Ритта Эрнестовна, усталая после рабочего дня, медлила с ответом. Воцарилось напряженное молчание. «А вот вернется из Швейцарии и нам расскажет», — неожиданно сказал добродушный секретарь парткома.

Итак, судьба решена. Она едет!

На родине отца

С замиранием сердца шла Ритта Эрнестовна по Базелю. Улицы этой рабочей окраины помнят ее отца и ребенком, и подростком, и восемнадцатилетним юношей, когда он в последний раз проходил по ним. Вот дом, где он родился 70 лет назад, в 1904 году, в семье маляра, приехавшего из Германии. Маленькая квартирка Шахтов находилась в верхнем этаже, окна кухни выходили прямо на аэродром. С каким

восторгом и тоской смотрел маленький мальчик на огромных стальных птиц, взмывающих в синий простор! Но он знал: для того, чтобы выучиться на летчика, нужно очень много денег, а в семье Шахтов их всегда было в обрез.

А вот школа, где учился Эрнст. Училась здесь также и Эмма Бюргин. Ее семья приехала в Базель из Эльзаса после Первой мировой войны. Но Эмма училась недолго. В 16 лет она вышла замуж, но ни она, ни ее спутник жизни не собирались прилежно вить семейное гнездо. Их влекли борьба и риск, ибо в сером небе послевоенной Европы видели они зарево мировой революции. Активная политическая деятельность, кочевая жизнь и бытовая неустроенность не способствовали укреплению семейных уз, и вскоре Эмма рассталась с мужем.

Что касается Эрнста, то он, как и Эмма, ненадолго задержался в Базеле. Он также увлекся политической борьбой и решил посвятить свою жизнь делу единения пролетариев всех стран и мировой революции. Образец для подражания он, как и многие его единомышленники, видел в Советской России. Разумеется, он был счастлив, когда ему предложили отправиться в Советскую Россию и принять участие в строительстве новой жизни. В 1922 году Эрнст приехал в Москву, а в 1923 году его направили в летную школу в Борисоглебск. Мог ли он совсем недавно мечтать о чем-нибудь подобном? Но здесь, в первом в мире государстве рабочих и крестьян, возможно все. И он, сын бедного маляра, будет летать!

В 1924 году Эрнст стал военным летчиком, а в 1930-м женился на Эмме Бюргин — той самой соседской девочке, которая после долгих скитаний оказалась, как и он, в Советском Союзе.

В 1934 году родители Эрнста получили письмо, в котором он сообщал им о рождении внучки Ритты и приглашал поселиться у него. Его военная карьера продвигалась успешно, он неплохо

зарабатывал и был готов взять родителей на свое попечение. Старикам было тяжело расставаться с Базелем, но все-таки после долгих колебаний они решились. Жили Шахты очень бедно; семья дочери также терпела нужду и почти не могла помогать им, а в Москве их ждала безмятежная старость и заботы о маленькой внучке. Чего еще желать?

Последний раз Ритта видела бабушку с дедушкой в июле 1941 года, перед отъездом в эвакуацию. Они остались в Москве, чтобы быть ближе к сыну. В мае 1941 года он, в числе многих других военачальников, был арестован и находился в тюрьме на Лубянке, куда родители регулярно носили ему передачи.

Через несколько дней после начала войны старики Шахты, выстояв, как всегда, многочасовую очередь под палящими лучами солнца, узнали, что сына на Лубянке больше нет. Где он находился, было неизвестно.

Осенью 1941 года их как немцев депортировали из Москвы в Карагандинскую область. Однако этого властям показалось мало. В 1943 году беспомощных стариков, почти не знавших русского языка, заключили в концлагерь, где они вскоре погибли.

Эпилог

Почти всю свою сознательную жизнь Ритта Эрнестовна Шахт кропотливо и скрупулезно склеивала из мельчайших обломков расколотую когда-то жизнь своей семьи, точнее, ее историю. Ее путь познания начался с восстановления собственного «я», и в конечном итоге уже в зрелом возрасте она обрела то, что почти каждый из нас с раннего детства считает неотделимой частью своего внутреннего мира, первоначальной основой своей памяти: она знает родителей, сестру, бабушек и дедушек, ближайших родственников. Не так уж и много, на первый взгляд, но бывают ситуации, когда доказать всем, что «я

— это я» и найти дату собственного рождения куда сложнее, чем составить родословную глубиной в несколько столетий.

Жизнь Ритты Эрнестовны можно назвать возвращением. Возвращением к родителям, в собственное прошлое, к рассеянным по всему свету родным. Возвращением к себе. Возвращением к Истине.

ПРЕРВАННАЯ МЕЛОДИЯ

Ютта играла на скрипке, Герда — на фисгармонии, и вторил их мелодии звездный хор. Никто на земле не слышал, как поют звезды, и тайной навсегда осталась музыка, которую исполняли девочки. Ее не слышал никто, кроме Бога, потому что клавиатура гердиной фисгармонии была нарисована на бумаге, а скрипка Ютты представляла собой широкую линейку, по которой она водила, как смычком, другой линейкой — поуже.

В Москве, в Петроверигском переулке осталась настоящая фисгармония, на которой по вечерам играл папа, и настоящая дедушкина скрипка. Но та уютная, теплая, светлая, наполненная настоящей музыкой жизнь была отделена от этой бесконечным месяцем пути в грязном холодном вагоне, и здесь, в затерянном среди казахских степей поселке, она казалась сказкой или сном. А, может быть, все наоборот: когда-нибудь они лягут спать, а проснутся снова в Москве, и то, что было здесь, забудется, как кошмарный сон. Но дни шли за днями, одна ночь сменяла другую, и все оставалось по-прежнему.

Старшая Ютта помнила, как мама водила ее по воскресеньям в находившуюся по соседству Петропавловскую евангелическо-лютеранскую церковь, но Герда богослужений уже не застала: она родилась в 1936-м, в год закрытия церкви. Она только помнила, что по воскресеньям папа играл на фисгармонии дольше обыкновенного, а она взбиралась к нему на колени и внимательно смотрела за движениями его пальцев. Папа обещал, что, как только она немного подрастет, он обязательно научит ее играть на фисгармонии, и Герда верила, что придет время — и от ее прикосновения к этим таинственным клавишам зазвучит торжественная и нежная мелодия.

Сколько Ютта и Герда себя помнили, музыка всегда была с ними: и в будни, и в праздники, и по воскресеньям, когда

иногда приходили гости и устраивались небольшие домашние концерты. Музыка была так же привычна и необходима, как воздух, и невозможно было себе представить, что очень скоро сопровождающие их детскую беззаботную жизнь мелодии оборвутся, и им придется жить уже одним — без музыки.

Музыка была не только атмосферой, в которой жила семья Гершельманов; она была их судьбой. Ведь именно благодаря музыке Ютта и Герда вообще появились на свет, ибо она вначале соединила их бабушку и дедушку, а затем и родителей.

Бабушка Ютты и Герды — Эмма Кох (урожденная Задде) была дочерью преуспевающего аптекаря. Отец мечтал о том, что зять продолжит его дело, и собирался устроить счастье дочери по собственному усмотрению, но его планам не суждено было сбыться.

Эмма полюбила бедного скрипача Вольдемара Коха и против воли родителей вышла за него замуж. Вскоре Вольдемар умер, и она осталась одна с маленькими дочерьми — Юттой и Гертрудой. Помощи ждать было неоткуда, и Эмма уехала в Москву, где стала работать в конторе одной из фирм. Несмотря на необходимость зарабатывать на жизнь (что было редкостью для женщины ее круга) и воспитывать одной двоих детей, Эмма всегда держалась с достоинством настоящей светской дамы. Постоянные заботы, нужда и неустроенность никак не отражались на ее внешнем облике и характере, сочетавшем твердость и порой бескомпромиссность с исключительной добротой и душевностью.

После революции Эмма с дочерьми осталась в Москве, уезжать было некуда и не на что, но невероятные лишения и политические коллизии не отразились на ее внутреннем мире. Она спокойно и терпеливо боролась с нуждой и воспитывала дочерей так, как считала нужным — без всяких поправок на

изменившийся политический режим и идеологию. Как и раньше, она уделяла большое внимание их религиозному воспитанию, читала с ними Библию и каждое воскресенье ходила с дочерьми в Петропавловскую евангелическо-лютеранскую церковь.

Так шли годы, но однажды размеренный и привычный ритм жизни семейства Кохов был нарушен: в 1926 году в церкви появился новый органист — Эрнст Гершельман. Ютта и Эрнст познакомились и полюбили друг друга, и в 1928 году состоялось их бракосочетание. После свадьбы они поселились в одной из квартир дома №7 в Петроверигском переулке, который принадлежал до революции Петропавловскому приходу и где по-прежнему жили некоторые служители церкви. Здесь родились и обе их дочери: в 1929 году Ютта, а в 1936-м — Герда.

В 1929 году Гершельманы получили известие об аресте отца Эрнста — пастора немецкой колонии Нейзатц в Крыму Фердинанда Гершельмана. В 1931 году он погиб в Минусинском лагере специального назначения. В 1930 году был арестован и брат Эрнста — пастор Фердинанд Гершельман, — служивший вместе с отцом и погибший на Соловках в 1932-м.

Трагическая судьба отца и брата не заставила Эрнста отказаться от службы в церкви. Вплоть до ее закрытия в 1936 году он был в ней бессменным органистом.

Семья Гершельманов, подобно некоторым другим уцелевшим после революции и гражданской войны семьям московских немцев, была своего рода островком, оставшимся от погибшего материка немецкой культуры России. Здесь все было, как раньше: родители и дети говорили между собой только по-немецки, перед едой и на сон грядущий читалась молитва, а на Рождество вся семья собиралась вокруг елки и пела немецкие духовные песнопения. Нельзя сказать, что Гершельманы воспитывали детей в особенно строгом религиозном духе, однако с раннего детства образ Иисуса Христа и его нравственные

заповеди стали неотъемлемой частью внутреннего мира Ютты и Герды.

Впоследствии, будучи взрослыми и не имея возможности для внешнего проявления религиозных чувств, они искали утешение и ответы на жизненные вопросы в простых и мудрых словах, вошедших в их плоть и кровь в раннем детстве. Очень большую роль в воспитании и становлении характера дочерей сыграл отец. Он был исключительно интеллигентным, добрым и мудрым человеком, и его пример являлся для них всю жизнь одним из основных нравственных ориентиров.

Эрнст Гершельман был убежден, что дети до 7–8 лет должны воспитываться дома, и поэтому работал не покладая рук, чтобы жена могла полностью посвятить себя дочерям. Однако и он, несмотря на занятость, всегда находил время для занятий и общения с Юттой и Гердой. Он начал учить девочек музыке, но их первые робкие октавы и гаммы были навсегда оборваны в 1941 году.

В сентябре Гершельманы вместе с бабушкой Эммой были высланы в Карагандинскую область в деревню Токаревку. По счастью, родителям удалось найти работу: мать стала работать в швейной мастерской, а отец — в сапожной. Через несколько месяцев, однако, Гершельманов постигла очередная катастрофа: отца забрали в трудовую армию, а вскоре тяжело заболела мать. Никто не надеялся на ее выздоровление, и только бабушка верила: Бог обязательно спасет ее дочь. Ни врачей, ни медикаментов в Токаревке не было, и единственным лекарством был куриный бульон, который бабушка по капле вливала в рот больной. А голодные девочки, чтобы не слышать его запаха, уходили в это время из дома. В конце концов мать выздоровела, однако над Гершельманами опять нависла угроза смерти — на этот раз от голода. И опять спасла бабушка. На рассвете, пока никто не видел, она ходила по помойкам и

собираала картофельные очистки, из которых пекла лепешки.

В 1943 году в дом Гершельманов пришли соседские дети и сказали: «Там, на станции, валяется ваш папа!» Ютта с дочерьми бросилась на станцию, и, действительно, нашла своего мужа, брошенного прямо на платформе неким сопровождающим, которому было поручено доставить домой умирающего от истощения трудармейца.

После возвращения из трудармии Эрнст Гершельман целый год находился между жизнью и смертью. Немного окрепнув, он стал работать художником-оформителем в клубе, а затем нашел работу в Караганде. Однако по пути домой отец был ограблен в поезде и на полном ходу выброшен из вагона. Спасло его только чудо. Вскоре после этого он нашел в себе силы перевезти семью в Караганду, после чего лег в больницу, так как после происшествия в поезде чувствовал себя плохо.

Но смерть настигла его именно здесь. В результате инъекции хлористого кальция, во много раз превышающей допустимую норму, Эрнст Гершельман скончался 13 октября 1946 года в возрасте 44 лет.

В то время Ютте было 17, а Герде 10 лет. Их самая заветная мечта — научиться музыке — так никогда и не осуществилась, и прерванные в 1941 году мелодии, которые они, повторяя уроки отца, исполняли в Токаревке на своих «инструментах», были слышны только им и Богу. Однако в исполнении внучки Ютты — Оли, — окончившей недавно музыкальную школу, они зазвучали вновь.

Примечание: в Энциклопедии российских немцев есть статья О. Лиценбергер об отце Эрнста Гершельмана — Фердинанде Константине Людвиге (1855-1931) и его брате Фердинанде (1887-1932) (Т 1. М., 1999. С. 649)

РОМАН В ПИСЬМАХ

«Возьмите, может быть, это Вам пригодится... Здесь лежат письма тетиного жениха», — сказала устало пожилая женщина, когда я уже стояла в дверях, собираясь уходить. С этими словами она протянула мне маленький, серый, местами изъеденный мышами чемоданчик.

За окном был темный декабрьский вечер, когда я разложила на столе грудку пожелтевших листков, исписанных аккуратным почерком. Это были письма на немецком языке, датированные 1912, 1913 и 1914 годами. Я наугад взяла одно из них.

«В эту ночь пришла зима. Все покрыто прозрачным серебристым покрывалом, сквозь которое проглядывает зелень. Природа исполнена предчувствием Рождества. Я уже пребываю в по-детски радостном рождественском настроении. В моей памяти всплывают рождественские праздники, которые я уже пережил, и я чувствую себя моложе. В прошлом году я впервые узнал, что ты меня любишь».

В сутолоке московских будней я почти забыла о том, какое время проходит мимо меня. Ослепительная иллюминация сделала звезды почти невидимыми, а грохот большого города заглушал тихие мелодии с небес. Но внезапно наступила светлая тишина. Время само напомнило о себе.

Это было настоящим чудом, которое может случиться только раз в году — и только в канун Рождества. Вначале я испугалась. А что, если это — наваждение, и чудо, по ошибке оказавшись в моей прозаической комнате, исчезнет, чтобы посетить того, кто уже давно ждал его? Но чудо не исчезало. Оно все так же пребывало передо мной в образе груды писем начала XX века, написанных студентом Берлинского университета Вальтером Боте московской девушке Варе Беловой.

Студент-физик сочиняет музыку

Они познакомились летом 1912 года в Берлине, где Варя (в то время 18-летняя гимназистка) гостила с матерью в семье профессора Рунце — друга своего покойного отца — инженера Н.С. Белова. Молодые люди понравились друг другу, однако едва ли то была любовь с первого взгляда. Скорее всего между ними возникла взаимная симпатия, которая постепенно переросла в спокойную, но стойкую привязанность, основанную на общности интересов, сходстве темпераментов и отношении к жизни. И вполне естественно, что после возвращения Вари в Россию между ними завязалась переписка.

Письма 1912 — начала 1913 г. сдержанны и несколько церемонны. Вальтер обращается к Вале на «Вы» и называет «фрейлейн Барбара». Он пишет ей о своей работе, делится впечатлениями от прочитанных книг и концертов, рассказывает о своих занятиях музыкой... Впрочем, уже из первого письма, посланного в Россию, выясняется, что в доме, где часто бывала Варя, Вальтер будет «особенно болезненно чувствовать отсутствие Кого-то», а из второго письма московская гимназистка узнала, что после ее отъезда прилежный студент-физик стал сочинять музыку и учить русский язык.

«Я очень много играю на рояле, особенно моих любимых композиторов — Шопена и Брамса. А что вы об этом скажете: я вновь сочиняю музыку, и не только в голове, но и на бумаге. Довольно неумно с моей стороны! Недавно купил за 50(!) марок старую русскую грамматику. Посмотрим, что из этого получится. Очень тяжело, когда некому исправлять ошибки. Пожалуйста, не работайте слишком много, лучше играйте побольше на скрипке. Если выпадет счастье, в будущем году будем музицировать вместе».

«Не принимайте меня за педанта!»

Посоветовавшись с матерью, Варя пригласила Вальтера в Москву на Рождественские каникулы. Его неоднократно высказываемое в письмах желание увидеть ее катающейся на коньках, ее дом и ее комнату, его мечты о совместном музицировании и, наконец, интерес к русской архитектуре не оставляли сомнений в том, что приглашение будет принято. Но этого не произошло. «Спасибо Вам и Вашей матушке за любезное приглашение», — писал Вальтер в ответном письме, — но это невозможно. У меня очень мало времени для моих экзаменационных работ. Мне нельзя терять ни дня, и каникул у меня вообще не будет. Я должен как можно скорее стать самостоятельным, потому что мне надо считаться со своими родителями. Ради Бога, не принимайте меня за педанта!»

Варя ни словом не упрекнула Вальтера, ибо понимала, что такое чувство долга перед родными. Сама она с нетерпением ждала окончания гимназии, чтобы начать работать и стать опорой семьи вместо матери, которая, овдовев в 32 года, стала заведовать казенной винной лавкой, чтобы дать образование трем детям. Варя понимала, на какое самопожертвование пошла мать, чтобы она выросла благовоспитанной и образованной барышней, и чувствовала лежащий на ней груз ответственности. Она даже подумывала о том, что ей вообще не следует выходить замуж, куда младшие брат и сестра не встанут на ноги. Однако мать не хотела видеть дочь старой девицей. Серьезный и интеллигентный молодой человек ей понравился, и она готова была пойти на непредвиденные расходы и хлопоты, связанные с его приездом, но...

Итак, рождественские и новогодние праздники молодые люди провели врозь.

Барбара становится Варей

6 марта 1913 года во взаимоотношения молодых людей произошло знаменательное событие: «фрейлейн Барбара» превратилась в «Варю», причем дорогое имя Вальтер написал русскими буквами. Было ли это заранее продуманным шагом или новое обращение возникло спонтанно, под впечатлением особенно понравившейся фотографии, посланной в последнем письме, — неизвестно. «Вы должны оставаться всегда такой же простой и естественной, как сейчас, это мне нравится», — пишет он в ответном послании.

Эта фраза была уже не первым намеком на то, что серьезный немецкий студент хотел быть Варе «больше, чем другом». В одном из предыдущих писем, отвечая на модный в то время вопрос о женском образовании, Вальтер пишет следующее: «Так как я ненавижу все неестественное, я терпеть не могу женщин, которые учатся, чтобы подражать мужчинам. Они сбрасывают свою женственность, как неудобное платье, и надевают взамен другое, которое им не идет. Большинство женщин не подозревает, какую силой наделило их сердце. Мужчина добивается своего, как правило, разумом. Женщина должна действовать лишь сердцем. Мужчина — ум, женщина — душа. Одно необходимо другому. Для женщины, которая много занимается науками, велика опасность, что она забудет свою природу и потеряет себя. Такие женщины рано или поздно придут к страшному осознанию того, что они утратили нечто невозвратимое. Призвание женщины отличается от призвания мужчины. Я могу еще много об этом писать, но Вам — не могу, так как должен буду тогда выдать свою заветную мысль...»

Заветную мысль Вальтера Варя, конечно, поняла. Поняла она также и то, что эта тирада имела одну единственную цель — дать ей понять, какую именно спутницу жизни хотел бы

иметь Вальтер.

Идиллическое настроение Вальтера, превратившего, наконец, «фрейлейн Барбару» в «Варю», продолжалось недолго. Через пять дней она была «разжалована» во «фрейлейн Белову». В чем причина подобной метаморфозы, неизвестно. Возможно, Варя позволила себе усомниться в серьезных намерениях своего друга.

Вальтер был страшно оскорблен. «Я уже начал хоронить свои воспоминания, ибо, с одной стороны, считаю невозможным отвечать на Ваше письмо, так как оно содержит обвинения, оправдания против которых ниже моего достоинства; с другой стороны, мне нечего ожидать, что Вы возьмете свои обвинения обратно», — так начинается его письмо от 11 марта 1913 года.

Прочитав первый абзац, Варя поняла, что это — конец. Но не письма. Оно имело продолжение, содержащее пространное рассуждение о том, кто из них больше достоин жалости и сострадания, а также сожаления по поводу своей прежней излишней снисходительности. «Я терпел в Вас то, чего бы не терпел в любой другой девушке, потому что всегда вникал в Ваш внутренний мир. В этот раз, вероятно, мне надо будет больше времени на это». Прочитав последнюю фразу, Варя успокоилась. К тому же в конце письма Вальтер устанавливал точный срок, который требовался ему, чтобы понять, простить и забыть: «Вы мне должны дать пару дней для того, чтобы забыть. С сердечным приветом».

Нетрудно догадаться, что в следующем письме «фрейлейн Белова» снова стала Варей. «Нам надо все забыть, все должно быть по-прежнему. Мефистофель, сидящий в нас, часто подбивает нас мучить тех, кто нам всего дороже», — пишет Вальтер в следующем письме.

«...Так тяжело быть разлученным с тобой»

В мае 1913 года по приглашению семьи Рунце Варя вновь приехала в Берлин, где прожила до конца сентября. Вальтер и Варя вместе ходили в музеи и на концерты, говорили о литературе. В это лето, через год после начала знакомства, они перешли на «ты», однако в их отношениях не было идиллии. Вальтер много говорил о своих чувствах, однако так и не сказал того, чего ожидала Варя. 19 сентября она уехала в полном неведении относительно планов Вальтера, касающихся их совместной жизни.

«Только что пришел с вокзала домой, — писал ей Вальтер в тот же день. — Я не знал, что это так тяжело, быть разлученным с тобой. Целый день я только и думал: Барбара уехала. Я слышал звон колоколов и думал: колокола звонят, потому что Барбара уехала. Почему ты должна была уехать осенью? Я только сейчас заметил, что листья уже начинают осыпаться с деревьев».

В течение месяца письма Вальтера были исполнены нежности, тоски и возвышенных чувств.

«Ты заметила однажды, что у меня лишь страдание, а не любовь. Когда иссякнет страдание, считаешь ты, иссякнет и любовь. Нет, это совсем по-другому! Конечно, есть и страдание в моей любви, но я отчаянно борюсь с ним, и ты должна помочь мне в этом. Иногда в тебе столько невыразимой женственности, что я готов молиться на тебя. Ты должна быть всегда такой. Тогда я буду действительно по-настоящему любить тебя, тогда ты будешь иметь надо мной безграничную власть. Тогда за страданием меня будет ждать тихая святая любовь. Когда я думаю о тебе, на душе у меня часто становится так торжественно, как в храме...» «Ты часто для меня подобна матери, и мне кажется, что потому я люблю тебя так сильно. То, что ты написала о своем душевном состоянии, кажется написанным мной самим. У меня

такое чувство, что у меня вырвана часть моего сердца».

Что может чувствовать любящая и любимая девушка, читающая эти и подобные письма? Счастье? А, может быть, тревогу и страх? Она была для Вальтера воплощением вечно женственного и материнского начала, он готов был преклоняться перед ней, как перед святой. Он создал из нее возвышенный мистический образ, соответствующий его книжным рафинированным идеалам, но сама она — простая девушка из плоти и крови, живущая в нужде и заботах, — насколько она его интересовала? Принял ли бы он ее такой, какой она была на самом деле, какой она себя чувствовала? Или он любил только свою мечту о ней?

Между тем Варя, уже окончившая гимназию, стала работать учительницей. У нее было слабое здоровье, и, по-видимому, педагогическая деятельность ее сильно утомляла. Вальтер в письмах проявлял о ней нежную заботу, уговаривал меньше работать, но могла ли Варя внять его советам? Она должна была зарабатывать себе на жизнь и помогать семье. Поменьше или совсем не работать она могла лишь в одном случае... Однако об этом в письмах из Берлина не было речи, хотя Вальтер уже работал и был материально независим от семьи.

«Мы друг друга не понимаем»

По-видимому, Вальтер не мог не чувствовать тревожного настроения Вари. Он понимал, чего она ждет от него, и решил поговорить с ней начистоту. «Добрая, дорогая, единственная Варя, представь себе хоть раз: через несколько лет мы пойдем, что все наши ожидания были ошибочны. Пусть хоть раз заговорит в тебе умная женщина. Ты сама мне однажды сказала, что ты, возможно, из чувства долга перед твоими родными не должна будешь выходить замуж. Я еще так молод, так неопытен.

Выйдет ли из меня что-нибудь? Настоящая жизнь, которая покажет, на что я способен, только начинается. У нас есть только два варианта: или расстаться, или вести жизнь, полную нужды и серых будней. Но что тогда? Я не думаю о себе самом, я думаю только о тебе. Если бы я знал, что сделаю тебя счастливой, я бы связал свою жизнь с твоей», — писал Вальтер 27 октября 1913 года.

В следующем письме Вальтер договорил все до конца: «Я еще не вправе связывать с собой судьбу человека и потому считаю, что мы должны жить больше для себя и не так часто писать друг другу. Ведь наши души всегда вместе. Мы настолько крепко связаны друг с другом, что мысль о долгой разлуке мне не страшна. Но все-таки лучше, если мы будем жить больше для себя. Если мы будем часто видеться и писать друг другу, тоска заберет все наши силы. Только тот боится разлуки, кто не уверен в своей любви. Ты теперь понимаешь, почему я не хочу приехать на Рождество? Я хочу употребить зимние каникулы на то, чтобы подготовиться к экзаменам. Я мог бы привести тебе это как единственный аргумент, если бы я был неискренен. Но ты видишь, я с тобой совершенно откровенен и рассказал тебе обо всех своих мотивах, насколько сам их понимаю».

Что будет в следующем письме? Просьба не писать ему больше? Но Варя не могла думать об этом. Она понимала, что упреки и жалобы бесполезны, даже если Вальтер привязан к ней одной. Только долготерпением и спокойной преданностью, только любовью, ничего не ждущей взамен, только стремлением понимать, но не быть понятой можно сохранить любовь этого эгоиста с гипертрофированным чувством долга, которому она навсегда отдала свое сердце.

Дальнейшие письма Вальтера убедили ее в том, что он оценил ее мужество и по-прежнему любит ее. «Ты меня поняла так хорошо, как только может женщина понять мужчину», —

писал он ей. — Я строг к тебе потому, что должен быть строгим к себе. Радуйся лишь свиданию и не спрашивай, когда это будет».

Больше месяца Варя не отвечала, и, наконец, в начале февраля Вальтер получил долгожданное письмо. О его содержании можно догадаться по ответному посланию: «Ты все забыла, о чем я тебе писал! Ты говоришь, что «у нас» будет собака, ты приглашаешь меня опять! Немка так бы никогда не поступила, и немец этого бы никогда не потерпел. Я думал, что ты меня понимаешь, но это не так. Мы вообще друг друга не понимаем». В заключение он просил Варю не писать ему больше никогда.

Отправив письмо, Вальтер, вероятно, почувствовал раскаяние за свои жестокие слова. Через несколько дней он написал ей второе письмо, в котором благодарил за счастье, которое она ему подарила. «Его было бесконечно много, и его хватит на всю мою жизнь. И я желаю тебе, чтобы еще раз ты была так счастлива, как ты этого заслужила. Я не мог бы сделать тебя счастливой, потому что всегда бы мучил тебя. Барбара, будь счастлива!»

Шесть лет спустя

Эта история могла бы не иметь никакого продолжения. Тем более, что через несколько месяцев началась Первая мировая война, которая должна была доказать обоим, какую ошибку они совершили, полюбив друг друга, и как мудро поступили, вовремя расставшись. Однако произошло как раз наоборот. Война, ввергнув молодого ученого в бессмысленную кровавую бойню, заставила его по-иному взглянуть на жизнь. Его голова теперь не была занята ни экзаменационными треволениями, ни научной работой, ни честолюбивыми планами. Каждый день, видя перед собой лишь страдания и смерти, он понял самодостаточную ценность простого человеческого счастья, которого навсегда будет

лишен, даже если останется в живых: ведь он потерял ту единственную, с которой оно было возможно. В 1915 году он попал в плен и оказался в лагере для военнопленных в Нижегородской губернии. И здесь в начале 1916 года он получил письмо от нее...

Неизвестно, как она его нашла и что ему написала. Вероятно, ее письмо было так же лаконично, как и его ответ, ибо оба знали, что их отношения могут заинтересовать военную цензуру.

«Спасибо за Ваш привет, пришедший ко мне недавно. Охотно Вам отвечаю. Знаю, что время требует и от Вас нести тяжелое бремя. Желая Вам сил исполнить свой долг. И Вашему брату на полях сражений всего хорошего».

Второе письмо Вальтера, датированное ноябрем 1916 года, прислано из Забайкалья. В нем он просит не писать ему больше, желая избавить Варю от возможных неприятностей.

После окончания войны Вальтер вновь дал о себе знать. В плену он выучил русский язык, и его несколько коротких писем написаны уже по-русски.

Прошло еще два года. И вот однажды летним вечером 1920 года в дверь комнаты коммунальной квартиры, где жили Беловы, кто-то постучал. Варя открыла. На пороге стоял Вальтер.

8 июля 1920 года Московским губернским загсом был зарегистрирован брак Вальтера Боте и Варвары Беловой. В том же году они уехали в Германию.

Вместо эпилога

После возвращения на родину Вальтер продолжил научную работу, и его целеустремленность и трудолюбие увенчались успехом. Он стал выдающимся физиком, имя которого хорошо известно специалистам. Он был профессором

Гейдельбергского университета (1932-1934, 1946-1957) и директором Института физики при институте медицинских исследований им. Макса Планка (1934-1957). По-видимому, в годы национал-социализма он вел себя настолько достойно, насколько это было возможно в той ситуации, о чем свидетельствует присуждение ему Нобелевской премии в 1954 году за научные заслуги.

Варя не дожидая до этого торжества. Она умерла в 1951 году. О ее тридцатилетней супружеской жизни почти ничего неизвестно. Ясно одно: на ее долю выпало много страданий. Невозможно вообразить, что пережила и передумала она в годы национал-социализма и Второй мировой войны. Но рядом с ней были ее дочери и тот единственный, кого она любила и кому посвятила свою жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	3
РОССИЙСКИЕ РОДСТВЕННИКИ ИММАНУИЛА КАНТА	7
«ПИШИТЕ, МИЛЫЕ ПОДРУГИ...»	11
«ЧТО ПОДАРИТЬ ТЕБЕ, МОЯ ЛЮБОВЬ?»	22
«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА...»	29
ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	40
ПРЕРВАННАЯ МЕЛОДИЯ	50
РОМАН В ПИСЬМАХ	56

Инга Томан
История в судьбах